

АНДРЕЙ ВАЛЬТЕРОВИЧ ГРИНЁВ

доктор исторических наук,
профессор Санкт-Петербургского
политехнического университета Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: agrinev1960@mail.ru

Проблема наукометрической оценки монографий в современной России

УДК: 05+001.811

DOI: 10.24412/2079-0910-2024-1-106-125

Проведенный в статье анализ проблемы наукометрического рейтинга монографий в современной российской научно-образовательной сфере свидетельствует об их явной дискриминации, а порой просто недопустимо низкой оценке со стороны большинства управленческих структур, начиная с министерского уровня и заканчивая администраций отечественных вузов и академических институтов. Это наглядно проявляется в разного рода регламентах и цифрах контрольных показателей соответствующих нормативных актов. При этом процесс первоначально скрытой дискриминации монографий был запущен руководящими государственными органами в 2006 г., а после 2012 г. он обрел узаконенные формы, сопровождаясь фетишизацией наукометрии и журнальной периодики, индексируемой ведущими международными библиографическими базами данных. Поэтому в настоящее время насущно необходим кардинальный пересмотр оценки монографий как в отечественной нормативной базе, так и в университетской или институтской практике. Для более объективной наукометрической экспертизы монографий автор предложил оригинальную формулу их дифференцированной оценки с введением ряда дополнительных показателей с различными весовыми коэффициентами.

Ключевые слова: монографии, наукометрия, научная политика, нормативные стандарты и регламенты, наукометрические формулы.

Введение

Как известно, монографии представляют собой крупные несерийные академические произведения обычно книжного формата (подробнее о понятии «монография» см.: [Куулар, 2021]). Согласно же официальному Государственному стандарту

© Гринёв А.В., 2024

по издательскому делу монографией является «научное или научно-популярное издание, содержащее полное и всестороннее исследование одной проблемы или темы и принадлежащее одному или нескольким авторам» (ГОСТ 7.60—2003, п. 3.2.4.3.1.1). В научной среде особенно высоко оценивают подобные произведения специалисты социально-гуманитарных дисциплин. Так, кандидат социологических наук, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге М.М. Соколов неоднократно подчеркивает в своей статье, что наиболее важным и общепризнанным символом академических заслуг является написанная без соавторов монография [Соколов, 2020]. Аналогичным образом недавний опрос экспертов по библиотечно-му делу (большинство — доктора наук) показал, что превалирующая часть из них считает наличие монографии значимым показателем высоких научных достижений того или иного представителя академического сообщества [Захарчук, Бреслав, 2023].

Тем не менее, в такой дисциплине, как наукометрия, занятой измерениями и статистической обработкой научной библиографической информации, основное внимание традиционно уделяется не монографиям, а научным статьям, что отмечают в том числе и зарубежные специалисты, изучившие ряд аспектов публикации научных книг в ряде европейских государств [Kulczycki, Korytkowski, 2020]. При этом в наукометрии непереносимое условие учета статей и монографий состоит не просто в их публикации в научных журналах и издательствах, но в обязательной индексации в той или иной библиографической базе данных (ББД). В настоящее время наиболее крупными и известными международными базами являются американская *Web of Science* (WoS) и европейская *Scopus*. Их аналогом в России выступает РИНЦ — Российский индекс научного цитирования.

Но вернемся к проблеме, заявленной в заголовке статьи. Судя по всему, она до сих пор не была объектом специального изучения ни у нас в стране, ни за рубежом. По крайней мере несколько вариантов запроса: “*scientometric evaluation of monographs*”, “*scientometrics estimate of monographs*” и “*scientometrics assessment of monographs*” во всемирной поисковой системе *Google* и в крупнейшем специализированном журнале *Scientometrics* не дали никаких удовлетворительных результатов. Очень бегло интересующая нас тема упоминалась лишь на страницах ряда статей отечественных авторов, о чем будет сказано ниже. Поэтому имеет смысл подробнее проанализировать поставленную проблему, тем более что она имеет определенное практическое значение для управленцев, курирующих российскую науку.

ПРНД и наукометрическая оценка монографий

В современной России первая официальная попытка наукометрической оценки монографий в масштабах страны относится к 2006 г., когда Министерство образования и науки, Министерство здравоохранения и социального развития РФ и Российская академия наук (РАН) выпустили совместный приказ от 3 ноября за № 273/745/68 о регламентировании стимулирующих выплат для сотрудников профильных подразделений своих ведомств. В этом документе определялись критерии индивидуальных показателей результативности научной деятельности (ПРНД) представителей академических НИИ и профессорско-преподавательского состава (ППС) вузов. Если суммировать эти показатели в виде формулы ПРНД, то она может быть описана следующим образом:

$$\text{ПРНД} = kJ + pMU + hD + sK + bP + gR + C,$$

где J — публикации в журналах; MU — монографии и учебники; D — доклады на конференциях; K — научно-образовательные курсы; P — патенты; R — научное руководство; C — число ссылок на работы автора за отчетный период времени; k, p, h, s, b, g — весовые коэффициенты.

Заниматься подробным анализом этой формулы целиком вряд ли целесообразно, поскольку ее обстоятельная критика содержится в двух статьях кандидата экономических наук И.Д. Котлярова [Котляров, 2009, 2010] и частично в работах автора данной статьи [Гринёв, 2019, 2023]. В связи же с нашей темой процитирую лишь раздел приказа 2006 г., где говорилось о монографиях: «2.1.2. Начисление баллов за монографии, изданные в научных издательствах и имеющие шифр ISBN, и за учебники, имеющие гриф Минобрнауки России (рекомендованные учебно-методическими объединениями). За монографии и учебники устанавливается балл, равный объему монографии в печатных листах, умноженному на 2. При наличии соавторов балл делится на общее количество авторов. Не учитываются стереотипные переиздания, балл за переработанные переиздания устанавливается пропорционально объему нового материала. Включение конкретных монографий и учебников в расчет индивидуальных ПРНД принимается специальным решением ученого совета. По решению ученого совета в институтах общественно-научного профиля к монографиям могут быть приравнены словари».

При анализе этого раздела следует остановиться на нескольких моментах. Так, его составители уравнивали монографии и учебники, что говорит о том, что они смутно представляли себе суть научной работы. На это обратил внимание И.Д. Котляров, отметив, что учет учебников в формуле ПРНД фактически подменяет научную работу учебно-педагогической [Котляров, 2009]. От себя добавлю, что написать учебник гораздо проще, чем авторскую монографию, поскольку в учебниках не требуется иметь детальную систему сносок / ссылок, подробнейшую библиографию, обстоятельный историографический обзор, развернутую научную аргументацию и включение нового материала, до того не введенного в научный оборот. Кроме того, учебник часто представляет собой частичную, а то и полную компиляцию предшествующих изданий по аналогичной тематике. Поэтому ставить на одну доску монографии и учебники согласно формуле ПРНД элементарно несправедливо и глубоко ошибочно.

Теперь попробуем, исходя из приказа от 3 ноября 2006 г., составить незамысловатую математическую формулу балльной оценки монографии и в итоге получим следующее уравнение:

$$\text{ПВМ} = \text{MV} \times 2,$$

где ПВМ — показатель вклада монографии; MV — множитель, учитывающий объем монографии в печатных листах (1 печатный лист = 16 листам формата A4, заполненным текстом с кеглем 14 пунктов и межстрочным интервалом, равным 1,5); 2 — предписанный повышающий коэффициент для монографий.

В свою очередь, используя эту формулу, можно попробовать ответить на вопрос: насколько велик (пусть и весьма приблизительно) «вес» монографий в общем раскладе балльных начислений ПРНД? Для этого возьмем, к примеру, небольшую мо-

нографию объемом 15 а. л. (авторский лист = 40 000 символов с пробелами) и вставим в формулу ПВМ, получив в итоге 30 баллов. В то же время статья, опубликованная в рецензируемом российском журнале с минимальным импакт-фактором, равным 0,2, получит 9 баллов в соответствии с методикой расчета ПРНД для научных статей, пункт 2.1.1: «За публикацию статьи в рецензируемом российском или зарубежном журнале, имеющем индекс не менее 0,2, устанавливается балл, равный индексу журнала, умноженному на 45 или 30 соответственно. За публикацию статьи в журнале, не имеющем индекса, или с индексом менее 0,2, устанавливается балл 6». То есть балльный «вес» небольшой монографии будет чуть больше «веса» трех журнальных статей, опубликованных в журнале с минимальным значением импакт-фактора. Но для написания даже небольшой научной книги требуется гораздо больше усилий и времени, чем для создания трех журнальных статей. Это знает каждый, кто хоть раз занимался подобным делом. Поэтому напрашивается вывод: разработчики ПРНД создали условия для скрытой дискриминации монографических произведений.

Докажем этот тезис еще двумя примерами. Изменим исходные цифры: пусть монография будет объемом 20 а. л., а статья выйдет в высокорейтинговом журнале с индексом 1.0. В результате по формуле ПВМ мы получим 40 баллов за монографию, а статья наберет 45. Этот нехитрый подсчет наглядно демонстрирует, что, согласно ПРНД, писать монографии — дело абсолютно неблагодарное, поскольку, чтобы набрать сопоставимое количество баллов, достаточно опубликовать всего одну статью в журнале с высоким импакт-фактором. Можно поступить иначе, напечатать несколько статей в низкорейтинговых журналах с импакт-фактором менее 0,2: пяти подобных публикаций хватит, чтобы сравняться по баллам с монографией на 15 а. л. При этом общий объем статей будет существенно меньше, ведь научные журналы обычно не публикуют рукописи размером более 1,5 а. л. Таким образом, максимальный объем пяти статей составит всего 7,5 а. л. против вдвое большего у монографии. Разумеется, ситуация для монографий еще более ухудшалась, если ученый совет конкретного вуза или академического НИИ вводил более высокий поправочный коэффициент (возможность для этого оговорена в приказе от 3 ноября 2006 г. в пункте 1.9).

После арифметических упражнений с балльным «весом» монографий и статей выясним, как выглядит публикация научной книги в сравнении с другими показателями, упомянутыми в формуле ПРНД. Возьмем, к примеру, научное руководство. Сразу оговорюсь, что оно не является научной работой в строгом смысле слова, а относится к методико-педагогической деятельности, однако составители приказа от 3 ноября 2006 г. проигнорировали этот очевидный факт. О научном руководстве в приказе говорится в разделе 2.1.6: «За руководство соискателем ученой степени, защитившим кандидатскую диссертацию, устанавливается балл 30, получаемый научным руководителем. За руководство дипломником при условии его последующего поступления в аспирантуру или на работу в научную организацию или высшее учебное заведение устанавливается балл 10, получаемый научным руководителем. При совместном руководстве дипломниками или соискателями ученой степени балл за руководство делится на число соруководителей».

Таким образом, согласно приказу 2006 г., научный руководитель получал за защитившегося аспиранта балл, равный публикации небольшой монографии объемом 15 а. л. Но руководство аспирантом явно требует гораздо меньше усилий, чем

написание пусть даже небольшой научной книги (разве что руководитель сам напишет за соискателя ученой степени диссертацию). Чем же был обусловлен столь высокий балл за научное руководство в ПРНД? Очевидно, не столько заботой о повышении кадрового потенциала отечественной науки, сколько обеспечением высших вузовских функционеров, обычно имеющих по несколько аспирантов, высокими итоговыми баллами и, соответственно, денежными выплатами.

Вообще непродуманность и несбалансированность формулы ПРНД, если рассматривать один только учет монографических произведений, не говоря уже о других показателях, вновь ставит вопрос о компетентности ее разработчиков. Причем здесь нужно высказать еще пару дополнительных замечаний, касающихся монографий. В частности, вызывает определенные возражения отказ от учета их стереотипных переизданий (репринтов), ведь они свидетельствуют обычно о высоком качестве первоначального труда, что следует поощрять, пусть и с понижающим коэффициентом, а не полностью обнулять, как это было прописано в приказе от 3 ноября 2006 г. Опять же, в нем говорилось, что «балл за переработанные переиздания устанавливается пропорционально объему нового материала». Но кто и как должен был это определять? Или сам автор обязан был отмечать и подсчитывать все подобные вставки и добавления? В обсуждаемом документе об этом не сказано ни слова.

Наконец, в приказе от 3 ноября 2006 г. содержалась оговорка о том, что «включение конкретных монографий и учебников в расчет индивидуальных ПРНД принимается специальным решением ученого совета». Это условие потенциально создавало большую свободу для произвола и злоупотреблений со стороны администрации вузов и академических НИИ. Неслучайно использование несовершенной, мягко говоря, системы ПРНД на практике порой порождало конфликтные ситуации в некоторых научных коллективах (см.: [Алексеев, Ленчовский, 2010]). И хотя приказ Минобрнауки РФ, Минздрава и РАН от 3 ноября 2006 г. был позднее отменен другим (от 11 января 2010 г. за № 1/1н/1) тех же министерств и Академии наук, однако многие его положения утвердились на практике при разработке различных оценочных регламентов университетов и академических НИИ и используются до сих пор. Достаточно ознакомиться, например, с приказом от 30 августа 2016 г. по Институту катализа СО РАН (см. пункт 2.1.1.) или с приказом от 20 января 2023 г. за № 98 Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Справедливо и аргументированно критикуя основные положения ПРНД, И.Д. Котляров в свое время предложил собственное уравнение балльной оценки монографий, которое имеет следующий вид:

$$\text{ПВМ}_{\text{ПРНД}} = M \times V,$$

где $\text{ПВМ}_{\text{ПРНД}}$ — показатель вклада монографий в общий ПРНД; M — множитель, учитывающий качество монографии (принимает более высокие значения для монографий, изданных за рубежом, и для монографий, поддержанных некоторыми грантами); V — объем монографии в авторских листах [Котляров, 2009, 2010].

Представленное И.Д. Котляровым уравнение не лишено некоторых недостатков. Так, совершенно не дифференцируются публикации монографий, изданные за рубежом, по странам и по издательствам. Одно дело опубликовать научную книгу в престижном академическом издательстве, допустим, *Springer* в Германии, и совсем другое — напечатать ее в типографии провинциального казахстанского вуза. Опять

же, неясно, о поддержке каких грантов идет речь в формуле Котлярова, так как никаких разъяснений на сей счет он не представил. На мой взгляд, использование полученных грантов в качестве повышающего коэффициента не всегда оправданно. Дело в том, что сам по себе грант не может относиться к научной работе, поскольку представляет собой лишь некую сумму, некий аванс для финансирования будущего научного проекта, но вовсе не гарантирует высокого качества его выполнения и не прибавляет нового научного знания. Следует добавить также роль личных связей и коррупционных схем в распределении грантов, что не является редкостью в нашей стране. Это касается и специализированных так называемых «издательских грантов», призванных обеспечить публикацию в том числе монографических произведений. Вероятно, именно такие гранты имел в виду И.Д. Котляров, разрабатывая свою формулу.

Дискриминация монографий в нормативных документах российской научно-образовательной сферы

Как видно из предыдущего изложения, проблема с объективной наукометрической оценкой монографий на самом деле оказывается гораздо сложнее, чем кажется на первый взгляд. Причем ситуация порой прямо или косвенно усугубляется непродуманной научной политикой властных структур. Так, существенное негативное воздействие на наукометрический рейтинг монографий косвенным образом оказал известный указ президента В.В. Путина от 7 мая 2012 г. за № 599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки». Появление указа было вызвано постоянным снижением доли российских научных публикаций, признаваемых в мире, что отрицательно сказывалось на международном престиже страны. Сам же президентский указ предусматривал увеличение к 2015 г. доли работ российских исследователей в общем количестве публикаций в мировых научных журналах, индексируемых в ББД *Web of Science*, до 2,44% (текст указа, как и большинство прочих нормативных актов, упомянутых в данной статье, находится в открытом доступе в Интернете¹).

Естественно, что после обнародования указа от 7 мая 2012 г. в России наступил период настоящего «библиометрического джихада», по образному выражению профессора МГУ Ю.А. Неретина [Неретин, 2013]. Академические НИИ и ведущие университеты РФ развернули лихорадочную деятельность по всемерному наращиванию наукометрических показателей с бесспорным приоритетом статей в международных ББД. В таких условиях монографии оказались задвинуты глубоко на второй план в университетской и институтской отчетности, что нашло свое прямое отражение в различных нормативных документах. Так, например, в приказе № 491 Пермского государственного национального исследовательского университета от 17 мая 2017 г. за публикацию статьи в журнале, индексируемом в ББД *Scopus* и (или) *WoS*, начислялись баллы от 100 до 150 в зависимости от квартиля журнала, в то время как публикация монографии могла принести автору не более 30 баллов (столько же можно было получить за издание учебника или научное руководство защитившимся аспирантом). Другими словами, чтобы набрать баллы, как за статью в журна-

¹ См. сайт «Официальное опубликование правовых актов»: <http://publication.pravo.gov.ru>.

ле 1-го квартиля, представителю ППС ПГНИУ необходимо было опубликовать не менее пяти монографий! И аналогичные примеры можно легко продолжить.

Благодаря подобным нормативным актам написание монографий потеряло какой-либо экономический смысл для ППС подавляющей части отечественных вузов и сотрудников академических НИИ, ведь с их помощью невозможно было набрать достаточно баллов для получения премии или значимой прибавки к зарплате. Требование иметь монографии сохранилось разве что для профессоров в качестве одного из квалификационных требований при приеме на работу или при пролонгации трудового договора по конкурсу на замещение должности.

Царивший до недавнего времени односторонний упор на публикации в журналах, индексируемых в зарубежных ББД, привел некоторых отечественных ученых к выводу о том, что те фиксируют только научную периодику, полностью пренебрегая монографическими исследованиями [Жарова, 2022]. На самом деле ББД *WoS* и *Scopus* регистрируют монографии, правда, издаваемые преимущественно на английском языке авторитетными западными издательствами (*Brill, Oxford University Press, Springer, Taylor and Francis* и др.). Например, ББД *WoS* имеет *Book Citation Index* (BkCI) — созданную еще в 2005 г. мультидисциплинарную базу данных, индексирующую монографии [Leydesdorff, Felt, 2012]. Эта база включает опубликованные научные издания книжного формата за исключением энциклопедий, справочников, пособий. Номенклатура издательств, чью книжную продукцию учитывает ББД *WoS*, насчитывает более 830 наименований². Но в целом, действительно, международные ББД регистрируют монографии очень неохотно.

Что касается России, то здесь дискриминация монографий получила новый импульс в январе 2020 г., когда Министерство науки и высшего образования разослало директивное письмо № МН-8/6-СК «О корректировке Государственного задания с учетом методики расчета комплексного балла публикационной результативности». В нем эффективность научной работы предлагалось исчислять по сложной интегральной формуле, в основу которой были положены набранные баллы и помещена таблица их расчета с рядом условных обозначений и цифр:

Q1	Q2	Q3	Q4	Q	S	R	V	B
19,70	7,30	2,70	1,00	1,00	1,00	0,75	0,50	1,00

Здесь Q1, Q2, Q3, Q4 — публикация в журналах соответствующего квартиля, индексируемых ББД *Web of Science Core Collection*; Q — публикации в изданиях без квартиля, но входящих в *WoSCC*; S — публикации в изданиях, индексируемых в ББД *Scopus*, но не входящих в *WoSCC*; R — публикации в лучших российских журналах из РИНЦ на платформе *WoS* (RSCI *WoS*); V — публикации в журналах из списка ВАК; B — монографии, зарегистрированные в Российской книжной палате. Ниже даны баллы, начисляемые за каждую публикацию соответствующей категории.

Анализ этой таблицы свидетельствует о том, что министерские требования к наукометрическим показателям достигли полного абсурда, ведь получается, что одна статья, напечатанная в журнале Q1 *WoSCC*, почти равна 20 монографиям! Но, как уже говорилось, затраты труда и времени на написание даже небольшой монографии несопоставимы с аналогичными затратами на написание самой качественной

² См.: URL: <http://wokinfo.com/mbl/publishers/> (дата обращения: 16.01.2024).

статьи. Если же следовать логике таблицы, публиковать научные книги не имеет ни малейшего смысла, так как одна монография приравнена к двум статьям, напечатанным в журналах списка ВАК, или одной, индексируемой в БД *Scopus*. Сюда же надлежит добавить односторонний и чрезмерный крен в сторону БД *Web of Science*, что для гуманитариев автоматически означало крайнюю степень дискриминации, поскольку они почти лишены возможности получить высокие баллы за свой научный труд, ведь подавляющая часть наиболее авторитетных журналов по гуманитарной тематике не имеет в *WoSCC* расчета импакт-фактора, следовательно, и квартиля (см.: [Гринёв, 2023]).

Естественно, обнародование министерского письма привело к бурным протестам представителей академических институтов РАН, специализирующихся на гуманитарной тематике. В результате 23 апреля 2020 г. методика расчета была пересмотрена (протокол № МН-П-БТ-15/СК), а 25 августа в Министерстве науки и высшего образования был окончательно принят новый порядок начисления баллов, подкорректированный для представителей всех направлений науки, кроме социогуманитарных:

Q1	Q2	Q3	Q4	Q	S	R	V	B
20,00	10,00	5,00	2,50	1,00	1,00	1,00	0,12	1,00

Эта таблица вновь демонстрирует, фигурально выражаясь, абсолютное «презрение» ее составителей к монографиям, которых следует издать не менее 20, чтобы сравняться по баллам всего с одной статьей, напечатанной в журнале Q1 *WoS*, как и в прежнем варианте таблицы. Крайне незначительный балл за монографии даже привел к недовольству некоторых представителей естественных наук [Ракин, 2021].

Что касается начисления баллов для гуманитариев, то для них была составлена отдельная таблица с принципиально иной системой оценочных единиц:

W	S	R	V	B
3	3	3	1	1 балл за 1 авт. л. — монография; 0,75 балла за 1 авт. л. — сборник научных статей; 0,5 балла за 1 авт. л. — комментарии к изданиям классики, словарные, архивные и др. публикации

Здесь W — публикация в изданиях, индексируемых в *Web of Science Core Collection*; S — публикации в изданиях, индексируемых в *Scopus* и не индексируемых в *WoSCC*; R — публикации в журналах *RSCI WoS*, не индексируемых в БД *WoSCC* и *Scopus*; V — публикации в журналах списка ВАК, не входящих в вышеперечисленные категории; B — рецензируемые издания книжного формата, рекомендованные к печати ученым советом организации и зарегистрированные в Российской книжной палате.

Хотя поправки, внесенные в методику начисления баллов за гуманитарные работы, в значительной мере смягчили абсурдность показателей и дискриминацию гуманитариев и монографий в первоначальной таблице, обеспечив последним достойную балльную оценку, но все же оставили несколько вопросов. В частности, почему не сделано ранжирование монографий? В документе было лишь сказано, что экспертное решение по присуждению баллов для изданий книжного формата, представленных институтами социогуманитарной направленности, будет прини-

мать РАН по представлению соответствующего отделения. Но какие-то дополнительные разъяснения на этот счет автору неизвестны.

На практике оценка монографий сейчас производится самостоятельно каждым институтом РАН, входящим в отделение общественных и историко-филологических наук. Например, в Институте российской истории в 2022 г. в методических указаниях по вычислению индивидуального показателя эффективности деятельности (ПЭД) научных работников ИРИ РАН за монографии и учебные пособия, утвержденные ученым советом института и тиражом не менее 300 экз., был установлен балл, равный объему в печатных листах (но не более 25), умноженному на 10, причем за монографии, изданные за рубежом, количество баллов увеличивалось в 1,5 раза.

Сразу отмечу пару явных недостатков этих методических указаний по вычислению ПЭД: 1) формальная нивелировка монографий и учебных пособий, хотя приходится еще раз повторить, что **написание пособия вообще не относится к научной работе и не требует таких усилий, как создание научной книги**; 2) игнорирование дифференциации монографий по месту издания (безразлично, вышла книга в Уганде или во Франции), а главное — по престижности издательства. Правда, в примечании к документу все же сделана оговорка о монографиях, изданных за рубежом: «Исключая публикации в недобросовестных издательствах, т. е. не имеющие тиража или издаваемые заведомо единичными тиражами, а также не имеющие редактора и / или нерецензируемые, издаваемые в “авторской редакции”». Список недобросовестных издательств / журналов — Scholarly Open Access <https://beallslist.net/>.

И еще один штрих напоследок, отражающий «вес» журнальных публикаций. Вновь цитирую документ (ПЭД): «Публикация в изданиях, индексируемых в российских и международных информационно-аналитических системах научного цитирования *Ядро РИНЦ*, *Web of Science*, *Scopus* и *Emerging Sources Citation Index Web of Science (WoS ESCI)* и получивших индекс DOI, — балл, равный объему в печатных листах, умноженному на 60». А для монографий подобное умножение производится только на 10, то есть текст статьи в высокорейтинговых журналах оценивается руководством ИРИ РАН в шесть раз выше, чем текст монографии. Разве это адекватно и справедливо?

Приведу еще один, более свежий пример: в Положении о порядке выплат рейтинговых стимулирующих надбавок, утвержденном 17 января 2023 г. в Институте славяноведения РАН, за индивидуальную монографию, имеющую гриф ИСл РАН, установлен балл, равный ее объему в печатных листах, умноженному на 5 (при наличии DOI добавляется еще 5 баллов). При этом за монографию, напечатанную за рубежом, установлен балл, равный ее объему в печатных листах, умноженному на 3. Почему за зарубежные публикации присуждается более низкий балл, для меня загадка — все должно быть прямо наоборот (правда, с учетом локализации и престижности издательства). В то же время за публикацию статьи в журналах, индексируемых в ББД *WoS* и *Scopus*, установлен балл 7, то есть заметно выше. Таким образом, даже в академических институтах гуманитарного профиля начисление баллов для монографий носит дискриминационный характер, а цифры коэффициентов явно отличаются от рекомендованных Министерством науки и высшего образования РФ.

Приведенные примеры прямо свидетельствуют, что **в наукометрической оценке монографий до сих пор царит полная анархия и произвол, поскольку в**

нормативных документах не приводится никаких убедительных аргументов и обоснований назначаемым контрольным цифрам и коэффициентам. Убедительной иллюстрацией в данном отношении служит ситуация в Московском государственном университете, где каждый факультет имеет собственную балльную шкалу оценки научных и прочих работ (см. выложенные в Интернет данные Интеллектуальной системы тематического исследования наукометрических данных «Истина»). А в вузах негуманитарного профиля нередко наблюдается крайняя дискриминация монографических изданий. Ярким примером могут служить цифры, фигурирующие в Положении о показателях эффективности деятельности работников, относящихся к профессорско-преподавательскому составу Новосибирского государственного аграрного университета, принятом ученым советом 27 января 2022 г. (протокол № 1). В этом документе за издание монографии «с исключительными правами университета» ППС полагалось 10 баллов, в то время как статья, изданная в журнале Q1 (*WoS / Scopus*), оценивалась в 180 баллов, то есть в 18 раз выше. И даже обычная публикация статьи в журнале из списка ВАК давала ППС 25 баллов, то есть как за две с половиной монографии. А еще у представителей НГАУ была счастливая возможность набрать 100 баллов (как за 10 монографий), просто оформив заявку (только заявку!) на грант международного уровня.

Порой в нормативных документах наукометрический учет монографий обставляется разного рода условиями. Так, согласно Положению о рейтинговой системе оценки деятельности ППС Волжского государственного университета водного транспорта, утвержденному приказом от 16 февраля 2021 г. за № 28, под регистрацию попадали только монографические издания объемом не менее 5 п. л., тиражом не менее 500 экз. с наличием двух рецензий докторов наук по специальности и с присвоенным шифром ISBN. При этом баллы за монографии начислялись очень своеобразным способом: по 5 баллов за печатный лист сверх запланированных в индивидуальном плане. Таким образом, если представитель ВГУВТ публиковал монографию вдвое большего размера (10 п. л.), чем минимальный, то в итоге получал 25 баллов (для сравнения: статья, изданная в журнале 1-го квартиля ББД *WoS*, «тянула» на 100 баллов). **Полагаю, что при таких условиях планировать издание монографий в ВГУВТ могли лишь фанатики науки или лица с непомерными личными амбициями.**

Естественно, что последовательная дискриминация монографий со стороны министерской и вузовской управленческой бюрократии в большинстве вузов и академических НИИ привела к падению публикаций научных книг. Красноречивую статистику на сей счет приводят доктора физико-математических наук М.М. Горбунов-Посадов и Т.А. Полилова из Института прикладной математики им. М.В. Келдыша Российской академии наук: в 2006 г. в их институте издали более 20 монографий, а в 2019 г. — всего лишь две [Горбунов-Посадов, Полилова, 2022].

Аналогичные процессы еще раньше начались на Западе, где наблюдалось снижение тиражей монографий и их продаж еще с конца прошлого века при одновременном резком росте затрат на приобретение научной периодики, о чем свидетельствует статистика с 1986 по 2011 г. [Snijder, 2013]. Кроме того, за рубежом при наукометрических расчетах монографии котируются весьма низко и, по данным испанских специалистов, научная книга по умолчанию учитывается как публикация, отнесенная к четвертому квартилю (Q4) основных ББД, игнорируя ее научную зна-

чимость, актуальность, влияние на общество и престиж издательства, где она была опубликована [Cordón-García et al., 2019].

Начавшаяся в конце февраля 2022 г. военная спецоперация на Украине не только привела к тектоническим сдвигам в мировой политике и экономике, но и затронула косвенным образом наукометрическую отчетность ряда российских университетов и НИИ РАН. Дело в том, что ведущие западные ББД присоединились к санкциям против РФ и прекратили сотрудничество с российскими учреждениями, закрыв доступ к значительной части своих информационных ресурсов, вследствие чего перед управленческими структурами, курирующими НИР, встала задача изменения контрольных наукометрических показателей. Если до событий на Украине абсолютным приоритетом с соответствующим начислением баллов пользовались публикации в журналах, индексируемых в ББД *WoS / Scopus*, то теперь в некоторых вузах вообще стали скрывать соответствующую информацию. Так, в Волгоградском государственном медицинском университете в приказе от 28 марта 2022 г. за № 439-КО говорилось: «Публикации, индексируемые в *Scopus* и *Web of Science*, в данном рейтинге не учитываются, так как премируются отдельно приказом ректора». Кстати, в ВГМУ (редкий случай!) авторы получают за издание монографий довольно приличные баллы — 2000; больше (3000) дают только за защиту докторской диссертации.

Однако в других вузах никаких принципиальных перемен с начислением баллов не произошло, как, например, в Южном федеральном университете, что видно в соответствующих регламентах 2021 и 2022 гг. В них монография оценивалась в 50 баллов, а 60 она получала, если выходила на иностранном языке и публиковалась в зарубежном издательстве, выпускающем журналы, индексируемые в базах *Scopus* или *Web of Science*. В то же время за статью в журналах 1-го квартиля, индексируемых этими базами, представитель ЮФУ имел 74 балла, а за защиту докторской диссертации ему начислялось 50 баллов, как за публикацию монографии. Столько же ему полагалось за учебник, опубликованный в издательстве ЮФУ и других российских издательствах, а также издательствах СНГ, размещающих свои издания в РИНЦ.

Можно привести еще немало примеров совершенно произвольной оценки (как правило, значительно заниженной) монографий, но, наверное, стоит все же разобраться с этой проблемой.

Возможный вариант решения проблемы оценки монографий

После проведенного краткого экскурса по различным нормативным документам и регламентам университетов и академических НИИ, где содержится балльная оценка монографий, впору предложить свое решение заявленной проблемы. При этом, естественно, вновь возникает целый ряд вопросов, в частности: как максимально объективно оценивать монографии относительно других видов публикаций и вообще иных разновидностей околонуучной и иной деятельности? Какие факторы следует учитывать при оценке монографий, а какие — нет? Стоит ли отдавать предпочтение монографиям, изданным за рубежом? Как оптимально рассчитать наукометрическую формулу учета монографий?

Приступая к ответам на эти и другие подобные вопросы, можно отметить закономерность: увеличение количества научных журналов, особенно в электронном

виде, сопровождается деградацией издания монографий. В результате, согласно статистике Федерации европейских издателей, объем продаж академических книг снизился с 29,4% в 2006 г. до 18,5% в 2017 г., а количество страниц в монографиях в области социальных и гуманитарных наук в среднем уменьшилось с 272 в 2012 г. до менее чем 200 в 2018 г. [Cordón-García et al., 2019]. Наукометрия, чьи данные стали широко применяться в управленческой практике, придала дополнительный импульс этому процессу, поскольку, как уже упоминалось, эта дисциплина делает упор на учет и статистический анализ прежде всего журнальных статей, а не монографий.

Конечно, для представителей ряда естественных наук монографии не являются обязательным атрибутом академических публикаций — для фиксации научных результатов таким дисциплинам вполне хватает специализированной периодической печати. Например, математикам или химикам достаточно воспроизвести несколько интегральных уравнений или химических формул с минимальным текстовым сопровождением, чтобы зафиксировать значимое научное открытие в своей области знания. А вот для гуманитариев, например, историков, объема обычной научной статьи в 1–1,5 а. л. бывает порой недостаточно, чтобы полноценно раскрыть все аспекты избранной темы. В таких случаях следует либо писать серию статей, либо обращаться к такому научному жанру, как монография. Поэтому отказ от их публикаций, по крайней мере для гуманитариев, крайне нежелателен и малопродуктивен. Кроме того, именно монографии зачастую дают гуманитариям наибольшее количество цитирований, регистрируемых в различных базах данных.

В связи с тем, что любая монография является результатом научного труда, целесообразно сначала определить его значимость среди других разновидностей деятельности ППС университетов и сотрудников академических НИИ. Начнем с того, что далеко не каждый человек может успешно заниматься научным трудом, так как это требует высочайшей квалификации, обширных знаний и творческого начала, ведь речь идет о высокоинтеллектуальной созидательной деятельности, направленной на получение, осознание и систематизацию новой научной информации. А потому именно научная работа должна иметь безусловный приоритет среди других разновидностей профессиональных обязанностей ППС вузов, не говоря уже о работниках академических НИИ. С сожалением приходится констатировать, что в нормативных актах, начиная с министерского приказа от 3 ноября 2006 г. за № 273/745/68 и заканчивая новейшими регламентами вузов и НИИ РАН, управленческие структуры зачастую просто не осознают эту непреложную истину, что выражается в назначении сопоставимых баллов за учебную, методическую или воспитательную работу, за повышение квалификации, за оценку студентами преподавателей и т. д. Что касается более узкого вопроса — сопоставления монографии с другими видами научных публикаций, — то и в этом случае в российских нормативных актах постоянно обнаруживаются досадные перекосы и диспропорции в начислении баллов в пользу журнальных статей, когда совершенно не учитываются затраты труда и времени для написания научной книги, о чем неоднократно упоминалось ранее.

Если теперь обратиться к еще более узкому вопросу ранжированной оценки самих монографий в различных регламентах, то здесь также наблюдается неудовлетворительная ситуация. Нередко в нормативных документах вообще отсутствует какая-либо дифференциация между монографиями, либо произвольно берутся лишь два-три дополнительных показателя, чего явно недостаточно для объектив-

ной наукометрической экспертизы. Чаще всего следует предписание просто указать на издание монографии в России и за рубежом на русском или иностранном языке (порой с индексацией в зарубежных ББД); иногда оговаривается минимальный объем научной книги (обычно не менее 5 а. л.), наличие шифра ISBN и / или DOI; гораздо реже встречается требование иметь рецензентов с учеными степенями и укладываться в минимальный тираж (не менее 300 или 500 экз.). Последнее требование в связи с переходом некоторых научных публикаций целиком в цифровой онлайн-формат выглядит откровенным анахронизмом.

Обращаясь теперь к вопросу о том, стоит ли отдавать предпочтение монографиям, изданным за границей, следует сказать следующее. Зарубежная публикация обычно свидетельствует о высоком качестве научного труда, поскольку он пользуется спросом, говоря языком экономистов, не только на местном, но и на внешнем рынке в виде своего рода «экспортного товара», косвенным образом поддерживая престиж отечественной науки за рубежом. Значение этого фактора существенно возрастает, если монография вышла в солидном академическом издательстве в пользующейся высокой научной репутацией стране. В настоящее время для определения такого рода репутации может условно служить общедоступная рейтинговая система *SJR* (Scimago Journal & Country Rank), ассоциированная с ББД *Scopus*. Ранжирование стран в этой системе осуществляется в зависимости от количества научных публикаций. Пару лет тому назад автору данной статьи удалось разработать так называемый «кантри-индекс», в котором все государства мира были разделены на четыре категории с присвоением соответствующих баллов согласно рейтингу *SJR* [Гринёв, 2022]. Полагаю, что аналогичную градацию можно использовать и в балльной формуле монографий. Например, монография, изданная в США или Франции, получит коэффициент 4, так как обе страны входят в топ-20 наиболее развитых в научном отношении стран, а опубликованная в Латвии или Узбекистане — только 2³.

С показателем престижности научных издательств для ранжирования монографий дело обстоит сложнее. Это отмечает кандидат экономических наук из МГУ А.А. Курдин, который пишет в своей статье: «Важность монографий для общественных наук несомненна — собственно, в них и содержатся наиболее важные в истории этих наук исследовательские результаты, и вовсе не принимать их во внимание нельзя. Но общепринятых критериев квалификации монографий нет, причем не только в России, но и в мире. Соответственно, использование монографий как критерия качества сопряжено с высокими издержками измерения их качества либо же с издержками оппортунистического поведения самих объектов оценки — ученых, публикующих книги в издательствах без прозрачной и надежной системы научного рецензирования, потому что в свою очередь нет механизмов квалификации таких издательств. В какой-то степени на основе репутационных сигналов можно сформировать перечни “добросовестных” издательств, но в этом случае высоки риски необоснованной дискриминации» [Курдин, 2022].

На самом деле в Интернете можно найти не менее десятка рейтингов научных издательств, которые публиковались в разные годы и в разных странах, а их формирование происходило как путем использования формальных показателей (например, количества публикуемых книг и журналов (см.: [Nishukawa-Pacher, 2022]), так

³ См.: URL: <https://www.scimagojr.com/countryrank.php> (дата обращения: 23.01.2024).

и путем опроса экспертов в той или иной сфере научного знания. Опять же, внутри страны академические издательства могут иметь свою собственную (часто негласную) иерархию. Естественно, различные списки академических издательств, фигурирующие в Интернете, имеют порой достаточно заметное расхождение как в количестве, так и в рейтинге конкретных издательских организаций. Впрочем, наиболее престижные места достаются в основном одним и тем же издательствам. Среди них можно назвать *Cambridge University Press*, *Oxford University Press*, *Sage Publications*, *Springer*, *Taylor and Francis Group*, *John Wiley*, *De Gruyter*, *Stanford University Press* и др. Свое лидирующее место в списках они получили не только благодаря большим масштабам и номенклатуре печатной продукции, но и репутации, которую заработали на протяжении многих лет тщательным отбором текстов для публикаций и кропотливой работой над ними со стороны редакторов.

В России редкий вуз имеет среди своих нормативных требований указание на учет определенных издательств, а тем более их градацию. Например, в НИУ «Высшая школа экономики», где существует, пожалуй, самая продвинутая наукометрическая система в России, есть специальный регламент, который содержит список ведущих академических издательств (он формируется и изменяется решениями Совета программы «Научный фонд НИУ ВШЭ»). В этом регламенте прописано, что принимаются во внимание только зарубежные специализированные научные издательства, причем их отбор осуществляется по результатам специальной экспертизы, ранжирующей их авторитетность в академическом сообществе, помещая в одну из предложенных категорий (топ-10, топ-20, топ-50 и т. д.). От попадания монографии в ту или иную категорию зависит количество начисляемых баллов.

В целом совершенно очевидно, что при оценке монографий следует обязательно учитывать фактор издательства, разделив имеющиеся на четыре основные категории с присвоением баллов от 1 до 8. В первую (высшую) категорию целесообразно включить наиболее престижные международные издательства, ряд которых упомянут выше, и за публикацию в них начислять 8 баллов. Вторая категория должна охватывать менее известные зарубежные издательства местных университетов и специализированные издательские фирмы (например, *Nova Science Publishes*) в наиболее продвинутых в научном отношении странах, а также издательство «Наука» и издательства НИИ РАН, МГУ, СПбГУ и других ведущих российских университетов, включенных в свое время в программу 5-100 (2013–2020). За публикацию в издательствах второй категории рекомендуется начислять 4 балла. К третьей категории следует отнести издательства прочих российских и зарубежных университетов, а также издательские фирмы, частично специализирующиеся на научной тематике. Вышедшим в них монографиям можно присуждать 2 балла, а в четвертую категорию включить все остальные российские и зарубежные издательства с присвоением 1 балла напечатанным в них научным трудам. Естественно, не должны учитываться монографии, увидевшие свет в так называемых «хищных» издательствах, которые публикуют книги за деньги без должной научной экспертизы и редакторской обработки (списки таких издательств размещены в Интернете и ежегодно пополняются — см., например, *List of Predatory Publishers in 2024*: <https://journalsearches.com/predatory-publishers.php>).

Определенную роль в формальной оценке монографий может играть не только место публикации (страна) и уровень издательства, но и язык публикации. Если отбросить влияние текущей политической конъюнктуры в связи с противостоянием

коллективному Западу из-за событий на Украине, то наиболее престижным в настоящее время является издание текстов на английском языке, который выступает как своего рода «латынь» современной глобальной науки. В отдельных вузах языку публикации придается особое значение. Так, в НИУ ВШЭ действует специальный регламент относительно оценки монографий, где жестко оговаривается этот момент: «Рассматриваются только издательства, выпускающие научные издания на ведущих иностранных языках (английский, французский, немецкий, испанский, итальянский, китайский, японский, арабский)» (см. <https://scientometrics.hse.ru/reglament>). Но в подавляющем большинстве вузов такой детализации нет, а указывается издание либо на русском, либо на иностранном языке, причем публикация на последнем обычно имеет небольшие преференции при начислении баллов. Очевидно, следует внести весовой коэффициент за язык монографий: изданные на английском в этом случае получают 4 балла, на других основных языках (арабском, испанском, китайском, немецком, русском, французском, японском) — 3 балла, а прочим следует присуждать 1 балл.

При учете монографий необходимо также учитывать факт их индексации в ведущих международных ББД *WoS* и / или *Scopus*. Это важный показатель, так как однозначно свидетельствует о высоком качестве научной книги. Правда, для русскоязычных монографий регистрация этих ББД в настоящее время почти нереальна по причине не только языковой, но и политической дискриминации со стороны Запада и западных баз данных в связи с военной спецоперацией на Украине.

При оценке монографий будет совсем не лишним знать количество посвященных им положительных или, по крайней мере, нейтральных рецензий, опубликованных в научной периодике. Однако здесь есть своя проблема: рецензии обычно появляются лишь спустя год-два, а то и позже после издания научной книги. Поэтому этот показатель может применяться, только если в университетской или институтской отчетности действует пролонгация учета монографий сроком на три года, как, например, в СПбПУ. Второй момент, на который стоит обратить внимание, — это разница в престижности журналов, где вышла рецензия на монографию, поэтому стоит предусмотреть повышающий коэффициент для периодики, индексируемой ББД *WoS* и *Scopus*, возможно, с дополнительным учетом квартиля. Аналогичным образом следует засчитывать и ссылки на монографию, фиксируемые основными ББД (без самоцитирования). Однако и в данном случае это может стать реальностью только при условии пролонгации учета монографии минимум на пару лет. В то же время при учете рецензий и ссылок существует опасность «договорных» отзывов и «цитатной коррупции», которые, надо откровенно признать, являются не такой уж редкостью в нашей стране и не только.

Наконец, необходимо также оговорить начисление баллов за переиздание монографии. На мой взгляд, за репринт научной книги автору полагается половина итоговой суммы баллов, полученных за первое (оригинальное) издание.

После этих предварительных замечаний можно попробовать оформить наукометрическое уравнение учета монографий в виде следующей формулы:

$$\text{ПВМ} = M \times aV + bS + kP + gL + U,$$

где ПВМ — показатель вклада монографии, M — множитель, учитывающий качество монографии (наличие не менее чем двух рецензентов с научными степенями

для монографий, опубликованных в РФ, и с присвоенным шифром ISBN и / или DOI); V — объем монографии в авторских листах (они округляются до целого числа); S — страна, где была опубликована монография; P — показатель престижности издательства; L — язык монографии; U — регистрация монографии в ББД *Scopus* и *WoS* с начислением 20 баллов; коэффициенты:

a — коэффициент 1,5 для монографий, вышедших за рубежом;

b — коэффициент с весовым диапазоном от 1 до 4 в зависимости от научной репутации страны;

k — коэффициент с весовым диапазоном от 1 до 8, учитывающий престижность издательства, где опубликована монография;

g — весовой коэффициент, учитывающий издание монографии на различных языках, с начислением 4 баллов за публикацию на английском, 3 баллов — на других основных языках (см. выше), 1 балл — на прочих.

Если дополнительно вводить в формулу ПВМ переменные R (рецензии) и C (цитирования) с соответствующими весовыми коэффициентами, то финальная сумма начисляемых за монографию баллов может со временем возрасть, а сама формула ПМВ будет иметь такой вид:

$$\text{ПВМ} = M \times aV + bS + kP + gL + nR + tC + U,$$

где R — рецензии на монографию; C — ссылки (цитирования); дополнительные коэффициенты:

n — весовой коэффициент с диапазоном от 1 до 2 в зависимости от наукометрического «веса» журнала, где опубликована рецензия (учет ведется в течение трех календарных лет после публикации монографии): 2 балла начисляется за рецензию в журнале, индексируемом в ББД *WoS* и *Scopus*; 1 балл — в прочих зарубежных научных журналах и в журналах из списка ВАК;

t — весовой коэффициент, учитывающий ссылки на монографию без самоцитирования, с учетом «веса» журнала, где сделана ссылка (учет ведется в течение трех календарных лет после публикации монографии): 1 балл начисляется за ссылку в зарубежном журнале, индексируемом в ББД *Scopus* и *WoS*, а также в англоязычных монографиях или не менее, чем за пять ссылок в прочих научных журналах, монографиях и сборниках статей.

Теперь пора, наверное, опробовать эти формулы на практике. В качестве примера возьму показатели двух своих монографий, одна из которых вышла в 2016 г. на русском языке в издательстве *Academia* (Москва), а вторая — на английском в 2018 г. в издательстве *University of Nebraska Press* (США). Вот результаты подсчетов:

$$\text{ПВМ (2016)} = 45 + 4 + 2 + 3 = 53$$

$$\text{ПВМ (2018)} = 30 + 4 + 4 + 4 + 20 = 62$$

Если использовать расширенную формулу (ПВМ-Р) оценки монографий, то результат будет следующим:

$$\text{ПВМ-Р (2016)} = 45 + 4 + 2 + 3 + 1 = 54$$

$$\text{ПВМ-Р (2018)} = 30 + 4 + 4 + 4 + 11 + 5 + 20 = 78$$

Конечно, две представленные формулы учета монографий не идеальны и наверняка станут объектами критики, но они, смею надеяться, все же более объективны, чем все, представленные ранее, и не зависят от субъективных требований и решений ученых советов, государственных ведомств или отдельных руководителей

вузов и академических НИИ. Но, опять же, все подсчеты баллов по предложенным формулам ПВМ не будут иметь существенного значения, если административные структуры всех уровней, как и прежде, станут присуждать в разы, а то и на порядки большие баллы за публикации журнальных статей, за оформление заявок на гранты и т. п.

Выводы

Как мы успели убедиться на основании всего вышесказанного, проблема учета монографий в современной наукометрии и вузовской практике до сих пор остается нерешенной. Поскольку монографии представляют собой наиболее крупные и значимые научные произведения, выступая как результат многолетнего напряженного труда, их важность невозможно переоценить. Поэтому дискриминировать их в угоду фетишизации научных статей высших квартилей, изданных в журналах, индексируемых в зарубежных ББД, крайне несправедливо и неразумно. Это замечание имеет особое значение для специалистов гуманитарного профиля. При этом критерии оценки монографий должны быть расширены, так как применявшиеся до сих пор слишком однобоки и ограничены, а потому несправедливы.

Еще один общий вывод, логически вытекающий из проведенного в статье исследования, выходит далеко за ее рамки. Он состоит в том, что теоретически наукометрия (помимо своих основных научных функций) должна выполнять важную социальную роль, обеспечивая с помощью математических уравнений и статистического анализа справедливое распределение баллов при присуждении премий, замещении должностей, начислении прибавок к жалованью и т. д. К сожалению, в реальности все происходит прямо наоборот, о чем свидетельствует проведенный обзор нормативной базы, связанной с применением наукометрических оценок (оценка монографий — лишь частный случай), рейтингов и данных. Более того, они зачастую используются для разного рода манипуляций и как дополнительный рычаг эксплуатации и административного давления на ученых академических НИИ и ППС вузов.

Возвращаясь к центральной проблеме адекватной оценки монографий в отечественной управленческой деятельности, следует указать на необходимость соблюдать максимальную объективность и взвешенность в этом вопросе, избегая влияния административной и политической конъюнктуры, давления корпоративных интересов, а равным образом бездумного наукометрического упрощенчества. Поэтому в настоящее время насущно необходим кардинальный пересмотр оценки монографий как в отечественной нормативной базе, так и в университетской или институтской практике.

Литература

Алексеев А.Н., Ленцовский Р.И. Профессия — социолог (Из опыта драматической социологии: события в СИ РАН — 2008 / 2009 и не только). Документы, наблюдения, рефлексии. СПб.: Норма, 2010. Т. 1. 552 с.

Горбунов-Посадов М.М., Полилова Т.А. Научная монография: пути к изданию и к читателю. Редакция от 14.03.2022. Режим доступа: <https://keldysh.ru/gorbunov/mono.htm> (дата обращения: 25.07. 2023).

Гринёв А.В. Проблема использования наукометрических показателей при оценке публикационной активности в современной России // Вестник Российской академии наук. 2019. Т. 89. № 10. С. 993–1002. DOI: 10.31857/S0869-58738910993–1002.

Гринёв А.В. Кантри-индекс как синтез наукометрии, географии и международной репутации // Социология науки и технологий. 2022. Т. 13. № 4. С. 202–220. DOI: 10.24412/2079-0910-2022-4-202-220.

Гринёв А.В. Проблема наукометрической дискриминации российских гуманитариев // Социология науки и технологий. 2023. Т. 14. № 2. С. 122–143. DOI: 10.24412/2079-0910-2023-2-122-143.

Жарова Е.Н. Наукометрия в области социогуманитарных наук: проблемы и пути их решения // Научные и технические библиотеки. 2022. № 4. С. 34–53. DOI: 10.33186/1027-3689-2022-4-34-53.

Захарчук Т.В., Бреслав А.Е. Критерии оценки научной деятельности в библиотечно-информационной сфере // Вестник СПбГИК. 2023. № 1 (54). С. 150–155. DOI 10.30725/2619-0303-2023-1-150-155.

Котляров И.Д. Управление продуктивностью научной работы профессорско-преподавательского состава // Университетское управление: практика и анализ. 2009. № 5. С. 41–48.

Котляров И.Д. Новый метод оценки продуктивности и научной деятельности // Библиосфера. 2010. № 2. С. 60–66.

Курдин А.А. Опции оценки научной работы в режиме санкций // Управление наукой: теория и практика. 2022. Т. 4. № 2. С. 169–182. DOI: 10.19181/smtp.2022.4.2.15.

Куулар М.Ч. Терминологический анализ понятия «монография» // Библиосфера. 2021. № 3. С. 72–82. DOI: 10.20913/1815-3186-2021-3-72-82.

Неретин Ю.А. Великий библиометрический джихад // Независимая газета. 2013. 11 декабря. С. 11. Режим доступа: https://www.ng.ru/science/2013-12-11/11_ran.html (дата обращения: 14.07.2023).

Ракин В.И. Проблемы управления междисциплинарным научным центром // Управление наукой: теория и практика. 2021. Т. 3. № 1. С. 55–67. DOI: 10.19181/smtp.2021.3.1.3.

Соколов М.М. За пределами Хирш-индекса: Статусные сигналы среди российских ученых // Библиосфера. 2020. № 4. С. 11–20. DOI: 10.20913/1815-3186-2020-4-11-20.

Cordón-García J.-A., Merchán-Sánchez-Jara J., Mangas-Vega A. Evolution of the Visibility of Scholarly Monographs in the Academic Field // El profesional de la información. 2019. Vol. 28. No. 4, e280409. DOI: 10.3145/epi.2019.jul.09.

Kulczycki E., Korytkowski P. Researchers Publishing Monographs Are More Productive and More Local-Oriented // Scientometrics. 2020. Vol. 125. Iss. 2. P. 1371–1387. DOI: 10.1007/s11192-020-03376-x.

Leydesdorff L., Felt U. Edited Volumes, Monographs and Book Chapters in the Book Citation Index (BKCI) and Science Citation Index (SCI, SoSCI, A&HCI) // Journal of Scientometric Research. 2012. Vol. 1. Iss. 1. P. 28–34. DOI: 10.5530/jscires.2012.1.7.

Nishikawa-Pacher A. Who Are the 100 Largest Scientific Publishers by Journal Count? A Webscraping Approach // Journal of Documentation. 2022. Vol. 78. No. 7. P. 450–463. DOI: 10.1108/JD-04-2022-0083.

Snijder R. Measuring Monographs: A Quantitative Method to Assess Scientific Impact and Societal Relevance // First Monday. 2013. Vol. 18. No. 5. DOI: 10.5210/fm.v18i5.4250.

The Problem of Scientometric Assessment of Monographs in Modern Russia

ANDREI V. GRINĖV

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
St. Petersburg, Russia;
e-mail: agrinev1960@mail.ru

The analysis of the problem of the scientometric rating of monographs in the modern Russian scientific and educational sphere, carried out in the article, indicates their obvious discrimination, and sometimes simply unacceptably low assessment by the majority of management structures, from the ministerial level to the administrations of domestic universities and academic institutions. This is clearly manifested in various kinds of regulations and figures of control indicators of the relevant standards. At the same time, the process of initially hidden discrimination against monographs was launched by the governing state bodies in 2006, and after 2012 it acquired legalized forms, accompanied by a fetishization of scientometrics and journal periodicals indexed by leading international bibliographic databases. Therefore, at present, a radical revision of the assessment of monographs is urgently needed both in the domestic regulatory framework and in university or institute practice. For a more objective scientometric examination of monographs, the author proposed an original formula for their differentiated assessment with the introduction of a number of additional indicators with different weighting factors.

Keywords: monographs, scientometrics, scientific policy, regulatory standards and regulations, scientometric formulas.

References

- Alekseev, A.N., Lenchovsky, R.I. (2010). *Professiya — sotsiolog (Iz opyta dramaticheskoy sotsiologii: sobytiya v SI RAN — 2008 / 2009 i ne tol'ko). Dokumenty, nablyudeniya, refleksii* [Profession — sociologist (From the experience of dramatic sociology: events in the SI RAS — 2008 / 2009 and not only). Documents, observations, reflections], S.-Peterburg: Norma (in Russian).
- Cordón-García, J.-A., Merchán-Sánchez-Jara, J., Mangas-Vega, A. (2019). Evolution of the Visibility of Scholarly Monographs in the Academic Field, *El profesional de la información*, 28 (4), e280409. DOI: 10.3145/epi.2019.jul.09.
- Gorbunov-Posadov, M.M., Polilova, T.A. (2022). Nauchnaya monografiya: puti k izdaniyu i k chitatel'nyu. Redaktsiya ot 14.03.2022 [Scientific monograph: paths to publication and to the reader. Edition dated March 14, 2022]. Available at: <https://keldysh.ru/gorbunov/mono.htm> (date accessed: 22.07.2023) (in Russian).
- Grinev, A.V. (2019). The Use of Scientometric Indicators to Evaluate Publishing Activity in Modern Russia, *Herald of the Russian Academy of Sciences*, 89 (5), 451–459. DOI: 10.1134/S1019331619050046.
- Grinev, A.V. (2022). Kantri-indeks kak sintez naukometrii, geografii i mezhdunarodnoy reputatsii [Country index as a synthesis of scientometrics, geography and international reputation], *Sotsiologiya nauki i tekhnologii*, 13 (4), 202–220 (in Russian). DOI: 10.24412/2079-0910-2022-4-202-22.
- Grinev, A.V. (2023). Problema naukometricheskoy diskriminatsii rossiyskikh gumanitariyev [The problem of scientometric discrimination of Russian humanitarians], *Sotsiologiya nauki i tekhnologii*, 14 (2), 122–143 (in Russian). DOI: 10.24412/2079-0910-2023-2-122-143.

Kotlyarov, I.D. (2009). Upravleniye produktivnost'yu nauchnoy raboty professorsko-prepodavatel'skogo sostava [Managing the productivity of scientific work of the teaching staff], *Universitetskoye upravleniye: praktika i analiz*, no. 5, 41–48 (in Russian).

Kotlyarov, I.D. (2010). Novyy metod otsenki produktivnosti i nauchnoy deyatel'nosti [A new method for assessing productivity and scientific activity], *Bibliosfera*, no. 2, 60–66 (in Russian).

Kuridin, A.A. (2022). Optsii otsenki nauchnoy raboty v rezhime sanktsiy [Options for evaluating scientific work in the mode of sanctions], *Upravlenie naukoy: teoriya i praktika*, 4 (2), 169–182 (in Russian). DOI: 10.19181/smt.2022.4.2.15.

Kulczycki, E., Korytkowski, P. (2020). Researchers Publishing Monographs Are More Productive and More Local-oriented, *Scientometrics*, 125 (2), 1371–1387. DOI: 10.1007/s11192-020-03376-x.

Kuular, M.Ch. (2021). Terminologicheskii analiz ponyatiya “monografiya” [Terminological analysis of the concept of “monograph”], *Bibliosfera*, no. 3, 72–82 (in Russian). DOI: 10.20913/1815-3186-2021-3-72-82.

Leydesdorff, L., Felt, U. (2012). Edited Volumes, Monographs and Book Chapters in the Book Citation Index (BKCI) and Science Citation Index (SCI, SoSCI, A&HCI), *Journal of Scientometric Research*, 1 (1), 28–34. DOI: 10.5530/jscires.2012.1.7.

Neretin, Yu.A. (2013). Velikiy bibliometricheskii dzhikhad [Great bibliometric jihad], *Nezavisimaya gazeta*, 11 dekabrya. Available at: https://www.ng.ru/science/2013-12-11/11_ran.html (date accessed: 14.03.2023) (in Russian).

Nishikawa-Pacher, A. (2022). Who Are the 100 Largest Scientific Publishers by Journal Count? A Webscraping Approach, *Journal of Documentation*, 78 (7), 450–463. DOI: 10.1108/JD-04-2022-0083.

Rakin, V.I. (2021). Problemy upravleniya mezhdistitsiplinarnym nauchnym tsentrom [Management problems of an interdisciplinary research center], *Upravleniye naukoy: teoriya i praktika*, 3 (1), 55–67 (in Russian). DOI: 10.19181/smt.2021.3.1.3.

Snijder, R. (2013). Measuring Monographs: A Quantitative Method to Assess Scientific Impact and Societal Relevance, *First Monday*, 18 (5). DOI: 10.5210/fm.v18i5.4250.

Sokolov, M.M. (2020). Za predelami Khirsh-indeksa: Statusnyye signaly sredi rossiyskikh uchenykh [Beyond the Hirsch Index: Status signals among Russian scientists], *Bibliosfera*, no. 4, 11–20 (in Russian). DOI: 10.20913/1815-3186-2020-4-11-20.

Zakharchuk, T.V., Breslav, A.E. (2023). Kriterii otsenki nauchnoy deyatel'nosti v bibliotekno-informatsionnoy sfere [Criteria for evaluating scientific activity in the library and information sphere], *Vestnik SPbGIK*, no. 1 (54), 150–155 (in Russian). DOI: 10.30725/2619-0303-2023-1-150-155.

Zharova, E.N. (2022). Naukometriya v oblasti sotsiogumanitarnykh nauk: problemy i puti ikh resheniya [Scientometrics in the sociohumanistic sciences: problems and solutions], *Nauchnyye i tekhnicheskkiye biblioteki*, no. 4, 34–53 (in Russian). DOI: 10.33186/1027-3689-2022-4-34-53.